

Вебер Р., Лантух Н.

ЖАЛОСТЬ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ КАК ДОМИНАНТЫ ЛЮБВИ В РАССКАЗАХ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ.

Исследования темы любви в русской литературе имеют давнюю традицию, обусловленную интересом к важнейшей общечеловеческой категории.

Новые обстоятельства развития социокультурных процессов в настоящее время способствуют обострению интереса к феномену культуры и проблемам взаимодействия языка и культуры. Это дает мощный импульс для активизации исследований проблем языковой личности, попыток описания этнолингвистических “картин мира” и лингвокультурологических единиц, их составляющих, универсалий культуры.

Лингвокультурема “русская любовь” является важнейшей категорией в пределах русского этноязыкового континуума, ее значимость в ментальном пространстве национального космоса не вызывает сомнений.

Что такое любовь? Этот вопрос привлекал внимание всех людей во все времена. В словарях русского языка дается толкование этого понятия. В “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегов пишет, что **любовь** – это “глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство”. В “Малом академическом словаре” говорится, что **любовь** – это “чувство глубокой привязанности к кому-либо; чувство расположения, симпатии к кому-либо”. Однако эти максимально абстрагированные дефиниции не могут передать национальное своеобразие этого чувства, палитру этнически значимых смыслов.

Исследование семантической структуры лингвокультуремы “русская любовь” на материале рассказов В. Токаревой позволило нам выделить систему смыслов, выражающих это понятие, и определить доминанты, формирующие его ядро.

Доминанты русской любви: – жалость, самоотверженность, максимализм, духовность, совесть, равенство.

Доминанты “жалость” и “самоотверженность” занимают верхние этажи в ядерной структуре понятия “русская любовь” и формируют субпонятия “любовь-жалость” и “любовь-самоотверженность”, выраженные в соответствующих образах любви в рассказах В. Токаревой.

В рассказах Виктории Токаревой любовь показана с точки зрения современной русской женщины. Любовные отношения русских людей писательница раскрывает через определенную систему образов – традиционный любовный треугольник, главной составляющей которого является образ любящей женщины, любовницы или жены. И любовь в рассказах Токаревой показывается через призму восприятия любящей женщины.

В каждом из четырех рассказов Токаревой – “Система собак”, “Инфузория-туфелька”, “Ничего особенного”, “Сказать – не сказать”, взятых нами для анализа, – мы видим нечто общее – образ ищущей любовь женщины.

Для наших героинь, Змеи, Марьяны, Марго и Артамоновой, любовь – носительница смысла жизни, она делает жизнь одухотворенной и яркой. Когда они влюблены, они испытывают чувства в самой высокой степени – страдание это или радость. Для токаревских женщин жизнь без любви пуста и бессмысленна.

Так как в рассказах Токаревой две доминанты русской любви – жалость и самоотверженность – преобладают в гамме других чувств и определяют духовное состояние и жизненное поведение героинь, они формируют особые типы любовных отношений – **любовь-жалость** и **любовь-самоотверженность**.

Любовь-жалость – это особенность русской любви. “В русском народе говорят “жалеть” в смысле “любить”: любовные песни называются “страдания” (знаменитые “саратовские страдания”); в отношении женщины к мужчине преобладает материнское чувство: пригреть горемыку непутевого”ⁱ. “Малый академический словарь” утверждает однозначность слов “любить” и “жалеть”: “**жалость** – чувство соболезнования, сострадания к кому-либо, чему-либо; **жалеть** – любить, быть расположенным к кому-либо, оказывать внимание кому-либо”. Таким образом, если русский человек жалеет другого, значит, может любить, а без этой жалости любви не будет. Часто любовь начинается с жалости, сострадания, сочувствия. Жалость занимает одно из важнейших мест в любовных отношениях, играет своеобразную роль на разных этапах любви. Она может сосуществовать с любовью – это **любовь-жалость**, а может заменить собой любовь, когда та уже почти умерла, – это **жалость-любовь**.

Любовь-жалость иллюстрируется в токаревском рассказе “Ничего особенного”. Любовь врача Ивана Ивановича к Марго родилась из жалости, сильного сострадания, чувства вины перед ней за неудачно сделанную операцию и глубокого одиночества. Можно сказать, что к Марго он испытал “жалость с первого взгляда”. Он каждый день приходил к ней, кормил ее с ложечки, ободрял, страдал из-за нее всей душой. “Он подносил ложку к ее рту и сам вытягивал губы, как бы повторяя ее движение. Так матери кормят маленьких детей... Марго легонько улыбнулась... Он тоже улыбнулся, но улыбка у него вышла как гримаса. И слезы набежали на глаза”ⁱⁱ. Когда Марго начинает выздоравливать, Иван помогает ей снова научиться ходить, и когда она делает первые шаги, он смотрит на ее жалкую фигуру, как гордый отец на свою маленькую дочку. “Халат был обернут вокруг Марго чуть ли не четыре раза. Она была бледная, тощая, перемученная. А Иван смотрел на нее и не мог скрыть счастья, расплывающегося на его лице”ⁱⁱⁱ. В ответ на заботы Ивана Марго влюбляется в него. Всю свою жизнь она кого-то жалеет, о других заботится. И вдруг находится человек, который жалеет ее и заботится о ней... и она на седьмом небе. “Каждое утро

он входил, полувбегал в палату. Полувбегала в палату ее жизнь, и из ее глаз, из макушки, как фантастические воды у кита, разбрызгивались флюиды счастья. Он садился на краешек постели и сам становился счастлив, потому что попал в климатическую зону молодой любви и потому что Марго поправлялась и была чем-то вроде его детища”^{iv}. Любовь-жалость Ивана к Марго похожа на любовь матери к своему ребенку. Мы потом увидим, что материнская любовь – это элемент любви-жалости, который является постоянным в структуре любви в токаревских рассказах.

Обратной стороной любви-жалости, драматическим ее периодом становится для героев Токаревой **жалость-любовь**. Такое развитие любовных отношений показано в рассказе “Инфузория-туфелька”. Нечаянно услышав телефонный разговор между мужем и его любовницей, Марго узнаёт, что он ее не любит, а жалеет: “Шестнадцать лет у него другая... А она ничего не заметила... Там он любил. А ее – жалел”^v. Марьяна ощутила слова Аркадия как катастрофу. Сначала она была в шоке, в полном отчаянии, не зная, что делать в этой ситуации. Боль от оскорбленной любви и ощущение бездны – вот что чувствует Марьяна. Но вдруг все становится ясным: Аркадий ее жалеет. Жалеет? Ну и пусть. Марьяна понимает, что именно его жалость и привязанность к дому не позволят ему уйти из семьи. “Пожалел. Он ее жалел. Значит, сегодня не уйдет”^{vi}. Осознавая силу жалости, Марьяна составляет план защиты своей жизни, своей семьи. Она знает, что у Аркадия в жизни одна главная ценность – его дом. Возвращаясь домой с работы, он знает, что там его ждут покой, красота, чистота и вкусная еда. Он любит свой дом и жалеет свою жену. И Марьяна использует жалость Аркадия и его привязанность к дому для защиты своей семьи. “Все как раньше. Только еще вкуснее готовить, тщательнее убирать. Быть еще беспомощнее, еще зависимее и инфузорицей”^{vii}. Таким способом Марьяна вступает в борьбу за свою семью – и пока муж Аркадий ее жалеет, у нее есть средство защиты. Но, кроме этого оружия, у Марьяны есть и своя личная сила – материнская любовь. Она будет бороться за свою семью, потому что она обязана это делать. Как мать и жена, она должна заботиться о тех, кого любит, до самого конца, до последнего момента.

В рассказах Токаревой это чувство материнства прочно связано с **любовью-жалостью**. Так, в рассказе “Инфузория-туфелька” материнский компонент любви Марьяны, соединяясь с жалостью Аркадия, образует охранительную зону вокруг их семьи. А приведенные ниже примеры из рассказов “Система собак”, “Сказать – не сказать”, и “Ничего особенного” показывают, что материнский компонент любви-жалости основан на том, что в мужчине, которого она любит, женщина часто видит не только то, что лежит на поверхности, но и то, что глубоко спрятано, что осталось в мужчине от мальчика – неуверенность, незащищенность, беспомощность.

Вначале все прекрасно между Змеей и режиссером – любовниками в рассказе “Система собак”. Но через некоторое время у них появляются проблемы, и они начинают ссориться. Когда после первой ссоры Змея и режиссер встречаются на работе, она к нему сначала испытывает только ненависть. Но вдруг она видит малиновую полосу над его бровью – лопнувшие сосуды, и ее сердце наполняется материнской жалостью: “И у меня самой что-то порвалось внутри, и жалость пополам с любовью затопила грудь. Я обняла тебя, прижала, прижалась сама. Сказала тихо: “Прости... Ты стоял – покорный и доверчивый, как ребенок”^{viii}. Таким образом, она забывает не только о том, что они ругались, но и о том, что в этой ссоре виноват был он. Когда токаревские женщины испытывают любовь-жалость, они думают только о том человеке, которого любят и жалеют, и их личность растворяется в объекте любви. Артамонова, героиня рассказа “Система собак”, выходит замуж второй раз за Вахтанга – мужчину, которого она жалеет и которому она была нужна. “Артамонова выслушивала о его невзгодах, подкармливала бутербродом и в результате полюбила за муки. А он ее – за сострадание к ним”^{ix}. В Вахтанге Артамонова находит кого-то, о ком может заботиться и защитить от жестокого мира: “Детей не получилось, но Вахтанг вполне заменял сына. Ему надо было варить, стирать, утешать, давать карманные деньги”^x. В рассказе “Ничего особенного” мы видим подобные отношения между Марго и Гочей. Как постоянно болеющему человеку, Гоче нужна была женщина, готовая занять место его родной матери. Марго к этому была готова. “Она вязала ему теплые вещи, варила горячие супы и выводила гулять. Когда шли по улицам, она вела его за руку – не он ее, а она его, держа в своей руке его нежные вялые пальцы”^{xi}. Для токаревских женщин любовь-жалость – это не просто готовность жертвовать своими личными интересами, своими мечтами ради любимого мужчины, а именно осознанная воля, неистребимое стремление это делать. Женщина способна жертвовать собой даже тогда, когда мужчина не любит ее и не скрывает этого. Она делает это только в силу своей любви, своей самоотверженности.

Так начинается **любовь-самоотверженность, любовь-жертва**. Токаревские героини способны к самоотверженности, независимо от того, есть у них свои личные интересы или нет. Для каждой женщины нет ничего важнее мужчины, которого она любит, и ему она готова отдать все. Такое отношение к любви имеет глубокие корни в народной культуре, жертвенность является важнейшей категорией в русском национальном сознании: “Ради милого и себя не жаль”, “Для милого не жаль потерять и многого”. “За милого и на себя поступлюсь”^{xii}. Самоотверженность, жертвенность как национальные ценности сохраняют свои позиции в любовных отношениях и в настоящее время, и это доказывают рассказы В. Токаревой. Но писательница рассматривает эти категории и с новой стороны, с точки зрения адекватности жертв женщины требованиям современной жизни. Неадекватная жертвенность токаревских героинь, на наш взгляд, связана с дефицитом уважения к себе, с отсутствием осознания личного достоинства и права на развитие своей личности. Они живут не в соответствии с собственными стремлениями, а как удобно и выгодно мужчине. В “Малом академическом словаре” слово “самоотверженность” определяется как “готовность жертвовать

собой для блага других, для общего блага. Забвение себя, своих нужд, интересов во имя чего-либо”. Таким образом, самоотверженность является не частью жизни, а состоянием всей жизни.

В рассказе “Инфузория-туфелька” мы видим, как Марьяна – пример женской самоотверженности – осознает свое место в жизни мужа Аркадия: “Марьяна подумала вдруг, что 25 лет проработала рабой, и Аркадий воспринимал сие как должное. Не дарил цветов, не носил на руках”^{xiii}. Только сейчас, после 25 лет самоотверженного домашнего рабства, Марьяна осознает неравенство своих отношений с мужем. У них одна схема отношений: она отдает, и он берет. Но при этом для нее все равно не важно, что Аркадий не благодарит ее за муки, а важно то, что он от нее не уйдет, что он останется ей мужем, а их сыну – отцом. Когда-то у Марьяны были свои личные интересы и мечты, но когда в ее жизнь вошел Аркадий, она это все оставила. “Марьяна – домашний человек. У нее нет другой специальности. В ранней молодости мучили молодые амбиции, мечтала сняться в кино, чтобы все увидели, какая она красивая. Пыталась поступить в театральное училище, но ее не взяли. Не нашли таланта. Марьяна тогда расстроилась. Аркадий утешал. У них тогда любовь горела ярким факелом”^{xiv}. Марьяна не считала, что теряет свою личность; она полагала, что обретает новую личность, которая создана из двух разных личностей – своей и Аркадия. Только потом она понимает, что на самом деле она променяла свою личность на любовь Аркадия и таким образом стала не таким человеком, каким сама мечтала стать, а таким, каким вылепил ее Аркадий.

В рассказах “Система собак” и “Сказать – не сказать” мы видим крайнюю степень **любви-самоотверженности**. Героини Змея и Артамонова демонстрируют нам, что для любимого мужчины женщина может жертвовать не только своими интересами и мечтами, но и жертвовать живой частью себя, то есть своим еще не рожденным ребенком. Но мы видим, что во время аборта и Змея и Артамонова испытывают чувство глубокого сожаления и трагической несправедливости: Змея – “Я лежала в определенной позе и ждала, когда мне дадут наркоз. И в этом временном промежутке ожидания я успела подумать: вот так же, в этой позе, я принимала тебя и любила. А сейчас в этой самой позе я убиваю результат нашей любви. Вместо теплой, желанной плоти в меня войдут железо и боль”^{xv}; Артамонова – “Артамонова поняла: из нее безвозвратно выстригают маленького Киреева – беспомощного и бесправного”^{xvi}. Так как намеренная потеря своего ребенка (аборт) – поступок, находящийся на границе между самоотверженностью и жертвованием другим человеком, эти женщины всю жизнь страдают, понимая страшные последствия своего решения.

В отношении жертвования своим ребенком токаревские женщины поступают, как религиозные мученицы. Испытывая чувство страха и сожаления, они все равно готовы подвергаться тяжелым физическим и нравственным мучениям из-за своей веры. А во что они так беспредельно верят? В любовь. В жизни этих женщин любовь занимает первое место, для них она становится религией. Таким образом, актуализируется **еще одна доминанта русской любви – максимализм**, который, являясь глобальной чертой русского национального характера, влияет на все чувства и проявления русской личности, в том числе и на любовь. Но это тема другой статьи.

ⁱ Гачев Георгий. Русский Эрос. – М.: Интерпринт, 1994.

ⁱⁱ Токарева В.С. Коррида: Рассказы. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 268.

ⁱⁱⁱ Там же. – С. 275.

^{iv} Там же. – С. 272.

^v Там же. – С. 181.

^{vi} Там же. – С. 186.

^{vii} Там же. – С. 186-187.

^{viii} Там же. – С. 39-40.

^{ix} Токарева В.С. Кошка на дороге: Повести, рассказы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 266.

^x Там же. – С. 268.

^{xi} Токарева В.С. Коррида: Рассказы. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 264.

^{xii} Платонов О. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – С. 125.

^{xiii} Токарева В.С. Коррида: Рассказы. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 171-172.

^{xiv} Там же. – С. 163-164.

^{xv} Там же. – С. 36.

^{xvi} Токарева В.С. Кошка на дороге: Повести, рассказы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 256.